

Б.И. Карипбаев*

Карагандинский университет им. академика Е.А. Букетова, Казахстан
(E-mail: karipbaev@mail.ru)

Философско-методологические аспекты религиоведения в контексте формирования мировоззренческой культуры казахстанской молодежи

В статье предпринята попытка исследовать природу ценностных ориентаций молодых людей в контексте их включения в сложный мир межконфессиональных и межэтнических коммуникаций. Авторский интерес предопределен актуальностью данного проблемного пространства. Современный мир, характеризующийся динамизмом, высокой степенью изменчивости, предлагает множество вариантов жизненных стратегий. В координатах такого выбора молодой человек пытается присвоить близкие ему по духу, по интересу варианты жизненного самоопределения. Помочь ему в этом выборе, направить его в позитивные мировоззренческие искания, презентовать богатую картину мира в ее духовных проявлениях — одна из основных задач системы образования. Именно система образования на всех ее этапах, как институт, позволяющий верно ориентироваться в мире духовных истин и соблазнов, несет основную ответственность за сознание молодых казахстанцев. В системе воспитания навыков толерантности к многообразию мира, особое место принадлежит религиоведческому дискурсу. В статье дан анализ основных концептов, оценивающих религиоведение как самостоятельное научное направление и перспективную исследовательскую стратегию. Автором предложено обновление концептуального подхода к религиоведению, как актуализированной в последнее время системе научных знаний о религии, веротерпимости, толерантности. В этом смысле религиоведение может стать мощным фактором образовательного дискурса и просвещенческой работы.

Ключевые слова: религиоведение, веротерпимость, мировоззрение, культура, образование, ценностные ориентации.

Введение

Исследовательский ракурс статьи выбран не случайно. Очевидно, что все те, кто сегодня сидит в классах, в студенческих аудиториях, завтра будут определять будущее нашего Казахстана. В связи с этим приобретает особую значимость научная оценка мировоззренческих установок этих молодых людей. Надо признать, что в казахстанском научном пространстве вопросам аксиологических установок учащейся молодежи в контексте их религиозных оценок уделялось недостаточное внимание. А если и анализировались эти проблемы, то, как правило, в узких дисциплинарных рамках. Наш подход к этой проблеме определяется попыткой междисциплинарного взгляда на эту проблемную интригу. В статье исследуются вопросы активизации роли религиоведения, как самостоятельного научного направления в деле просвещения, в рамках формирования навыков толерантности. В нашем исследовании использован эпистемологический потенциал религиоведения, философии, культурологии, социологии, психологии. Такой междисциплинарный «букет», на наш взгляд, позволяет наиболее объемно подойти к исследуемой проблеме.

В социогуманитарных исследованиях зарубежных и отечественных ученых достаточно активно изучались и исследуются вопросы межэтнического, межконфессионального сосуществования, проблемы толерантности, судьба религиоведческих дискурсов.

Теоретико-методологической основой исследований в этой области служат труды мыслителей прошлого. Святой Августин — в период поздней Античности; Барух Спиноза — в Новое время; Монтескье, Вольтер, Руссо, Дидро — в эпоху Просвещения; из числа русских философов — Владимир Соловьёв, Павел Флоренский и Николай Бердяев. Мировоззренчески более широко и системно категорию толерантности с интервалами в столетие разрабатывали либеральные теоретики Джон Локк [1], Иммануил Кант [2] и Джон Стюарт Милль [3]. В пространстве казахской философии к вопросам терпимости, толерантности в своем творчестве обращались Шакарим Кудайбердиев [4], Абай Кунанбаев [5]. Работы этих ученых обращают наше внимание на тот неоспоримый факт, что природа человека не может быть расчленена на какие-то составляющие компоненты, она монолитна,

*Корреспондент-автор. E-mail: karipbaev@mail.ru (Б.И. Карипбаев)

и, исследуя ее, мы должны воспринимать ее как монолитную универсальность. Все характеристики человека неразрывны и определяют друг друга. Любой другой подход искажает природу человека, его внутреннее единство.

В культурологических, философских, социологических исследованиях зарубежные коллеги, следуя различным историческим конфигурациям, анализируют социальную природу человека через осмысление его этнических, религиозных предпочтений и симпатий, выстраивают собственную модель межэтнического и межконфессионального согласия. Так, представитель деонтологического либерализма Джон Ролз [6] исследует природу толерантности с позиций идеально-типической методологии. Шанталь Муфф [7] и Жижек Славой [8], Эрнесто Лаклау [9] используют в анализе теории веротерпимости эпистемологический потенциал конфликтного исследовательского подхода. Аксиологическую методологию в исследовании данной проблемной интриги используют Г.Маркузе [10] и П.Николсон [11]. Через онтолого-исторические гносеологические технологии исследуют проблему этнической консолидации и веротерпимости М. Уолцер [12], Р. Дворкин [13]. В ракурсах мультикультуралистских подходов эту тему рассматривают М. Сэндел [14], Ч. Тейлор [15], У. Кимлика [16], Дж. Грей [17].

Немалый интерес поднимается в проекте проблема вызывает и у наших отечественных коллег. Ученые Казахстана рассматривают, как правило, эту проблемную интригу в социокультурных и когнитивных контекстах современного Казахстана. Особо хотелось бы выделить исследовательскую работу профессора Н.Ж. Байтеновой, которая и на уровне учебно-методическом, и в формате строгого научного поиска исследует вопросы межэтнических и межконфессиональных взаимодействий в Казахстане. К последним работам, относящимся к этому проблемному пространству, можно причислить монографию «Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность (авторы З.К. Шаукенова, Е.Е. Бурова, А.К. Назарбетова (2014)) [18], материалы Международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания» (2015) [19]. В данных работах представлен богатый историко-теоретический материал, отражающий поступательную логику формирования пространства мировоззренческой гармонии.

Объектом нашего исследования являются мировоззренческие установки казахстанской молодежи, охваченной системой школьного, средне-специального и высшего образования.

Предметом нашего эпистемологического поиска мы определили приоритеты наших молодых людей в религиозной картине современного Казахстана.

Основная цель нашего исследования определяется поиском возможных вариантов реформирования казахстанской образовательной системы в части конструирования у молодых людей навыков толерантного отношения к многообразию мира, актуальной мировоззренческой позиции. В исследовании особое внимание уделяется вопросам повышения статуса религиоведения в концептах современного образовательного дискурса.

Методы исследования

В ходе анализа мы воспользовались количественными и качественными методами социологии, гештальт-методами психологии, методами сравнительного анализа, компаративистики, логическими методами философии. Такой методологический симбиоз позволил расширить наши исследовательские границы и получить более точные и объемные результаты.

В качестве исходного материала исследования были взяты результаты социологического исследования, проведенного группой исследователей Карагандинского государственного университета им. Е.А. Букетова во главе с автором статьи.

Результаты и обсуждение

Исторически сложилось так, что религиоведение, в качестве научной дисциплины, в университеты на постсоветском пространстве пришло на смену так называемому «научному атеизму». Сама идея перехода от ангажированного предвзятого обслуживания существующей идеологии к беспристрастному объективному действительно научному исследованию религии как значимого культурно-исторического феномена, выполняющего фундаментальную экзистенциальную и психологическую роль в жизни человечества, чисто теоретически является, безусловно, позитивной. Однако ее реальное воплощение

в силу ряда обстоятельств оставляет желать лучшего. Среди них, на первом месте, находится фактор дефицита квалифицированных кадров, обладающих соответствующей компетенцией.

Разумеется, ни в коем случае нельзя инкриминировать проблему недостаточной компетенции самим специалистам, поскольку до сих пор не налажена эффективная технология переподготовки, которая смогла бы в короткое время элиминировать из сознания специалистов годами внедряемые туда марксистские установки. Несмотря на остроту проблем чисто технического порядка, нас в рамках данной статьи будут интересовать проблемы преимущественно философско-методологического толка.

Начнем с того, что сам термин «религиоведение» чрезвычайно широк по своему содержанию. Следствием этого становится возможность подведения под него таких различных по своему направлению курсов исследования, как социология религии, психология религии, история религии, феноменология религии и т.д. И поскольку не существует единого методологического каркаса иерархического размещения перечисленных дисциплин, зачастую, имеет место конфликт притязаний на большую значимость, что осложняет процедуру когеренции данных этих дисциплин в унитарную концептуальную картину.

Признавая за религиоведением статус комплексной дисциплины, представляющей собой как бы средоточие междисциплинарных (исторических, культурологических, антропологических, философских и прочих) ракурсов, следует поставить принципиальный вопрос об органичности, конгруэнтности этого комплекса. Или, если подходить к проблеме с другой стороны, следует поставить вопрос о возможном эклектическом (что недопустимо) характере религиоведения.

На наш взгляд, одной из главных опасностей, дезорганизирующей религиоведение как подлинно научное направление, является пережиток агрессивно-атеистической идеологии, оставшейся в наследство от кондового позитивизма XIX века, который подспудно протаскивается в религиоведение в виде превращенных форм и занимает положение исследовательского подхода, равного наряду со всеми прочими.

Отличительной особенностью такого подхода можно назвать склонность третирующим образом определять религию как некую исторически неполноценную форму мировоззрения, которая, якобы, со временем должна уступить место более совершенным формам научного взгляда на мир. Ошибка, на наш взгляд, кроется в том, что здесь имплицитно предполагаются отношения борьбы, соперничества, конкуренции между религией и наукой, в то время как авторитетные исторические свидетельства ориентируют нас на более корректную оценку этих отношений как взаимодополнительных (Кант: «Знания без веры — безнравственны») или по крайней мере параллельных. Как говорил кардинал Бароний, «Библия рассказывает нам, как взойти на небеса, а не как они устроены» [20].

Не менее негативной по своим интенциям и последствиям крайностью является неуместная в вузе пропаганда религиозного мировоззрения под видом его изучения; при этом сравнительное религиоведение, бывает, превращается в демонстрацию превосходства одной религии над другой, что прямо противоречит установке толерантности, под знаком которой существует современный цивилизованный мир.

Затяжная история конфронтации между наукой и религией по множеству общественно-значимых вопросов должна прерваться в XXI веке перед лицом глобального культурного кризиса (соперники вынуждены объединиться перед лицом общего врага).

Можно долго спорить о природе этого кризиса, полагать его циклическим повторением, исторической закономерностью или беспрецедентным событием, однако сам факт его реальности не должен ставиться под сомнение. Уже в конце XX века, остро ощущая нерв назревающих проблем, французский историк идей Мишель Фуко проникательно заметил: «Человек, каким мы его знали, в скором времени исчезнет, как исчезает лицо, начертанное на прибрежном песке» [21].

В свете названных выше обстоятельств важно понять, что религиоведение сегодня представляет собой весьма перспективное направление гуманитарной мысли, обладающее не только достоинством научно-исследовательской направленности, но и эвристикой культурно-образующего потенциала. Ведь в современной культуре радикально меняется само существо религии, характер религиозного сознания, формы религиозной жизни, место и роль религии в жизни индивидов, человеческих общностей и обществ.

Как отмечает Л.Н. Митрохин, «создается впечатление, что в современном «обезбоженном» мире формируется новый тип религиозности, обнаруживающий себя в появлении многочисленных нетрадиционных религий, в растущем интересе к идеям космизма и различным формам эзотерического

знания, к возрождению архаических религиозных образований в качестве символов национальной духовности и государственности, противостоящих глобальной экспансии западной массовой культуры» [22].

Не вдаваясь в подробности анализа причин подобных трансформаций религиозного сознания, отметим, в общем, только то, что, по всей видимости, традиционные религии не смогли дать удовлетворительный ответ на вызов проблемы «смерти Бога», о которой говорил Ницше и продолжают говорить постмодернисты. Иными словами, люди возлагают вину за ощущение богооставленности на представителей традиционных религий и поэтому обращаются к нетрадиционным формам богоискательства (космизм, эзотерика, гнозис [23]). Важно понимать, что это не новый тип религиозности, а попытки адаптировать к изменившимся духовным условиям современной жизни древние, когда-то маргинализованные религиозные формы, которые сегодня обретают второе дыхание. Можно сказать, что религиозные искания человечества никогда не прекращались, что словно бы врожденная религиозная потребность ищет своего удовлетворения в новых системах верований, если старые перестают быть релевантными.

Перед современным религиоведением встает сложная задача дать качественно иной анализ тех глубинных сдвигов, происходящих в культуре и в сознании, которые ведут людей к объединению не на пути к единому Богу, а по сегрегационному принципу крови, национальности или совокупности символических действий.

Катастрофические события XX века поставили под вопрос такую фундаментальную установку культуры, как оптимистическая вера в исторический прогрессизм. Именно по этому поводу Карл Поппер сказал, что «уповать на исторические законы нелепо и вредно» [24]. Классические системы философской и политической мысли не смогли разрешить мучительное вопрошание нравственной контрверзы: сколько человеческих жизней можно считать приемлемой ценой за стремление реализовать идеал всеобщей свободы?

Тем не менее дезавуирование идеи исторического прогрессизма не означало отрицание наличия в истории великого смысла, пусть и не обязательно позитивного. «Даже признав, что в конце II тысячелетия нашей эры мировая история действительно стала приобретать черты финальности, когда под вопросом очутилась сама возможность будущего, можно относиться к истории как величайшей надежде на осмысленность человеческого бытия, оценивать историю под сигнатурой метаистории, что значит — вычленение инвариантов цивилизации, ее стержневых ценностей, утверждающих человека в его жажде бесконечного» [25].

Одной из отличительных черт гуманитарного кризиса современной культуры является постмодернистское желание дискредитировать историю, представив ее в виде конstellации контингентных сингулярностей, то есть случайных, не связанных между собой высшим смыслом событий. В этих условиях неизбежен конфликт, касающийся глубинных религиозных установок, согласно которым история является принципиально телеологичной.

Варианты последствий этого противоречия для религии амбивалентны: некоторые теоретики впадают в пафос бескомпромиссной конфронтации, расценивая сам дух современности как некое зло; иные стремятся адаптировать догматизм вероучений к уже ставшей общепринятой концепции культурного плюрализма. По какому бы сценарию не развивались последствия, в любом случае это представляет одну из важнейших проблем для религиоведения.

Еще одним измерением гуманитарного кризиса современной культуры можно назвать девальвирование самой идеи «ценностей». Речь идет не о том, что какие-то ценности устарели и на их смену приходят другие, более новые. Речь идет о том, что в современной культуре установилась конвенция считать любые ценности лишь прагматически ориентированными условными знаками, обеспечивающими удобство коммуникации, но не более того. Здесь можно воспользоваться ставшим модным с легкой руки Бодрийера термином — «симулякр» [26].

Современная культура согласилась с тем, что жить в мире симулякров гораздо практичнее, чем в мире ценностей. Естественно, что процесс тотальной симуляции культурной реальности не обошел стороной и религию. Поэтому смело можно утверждать, что религия, как симулякр, является чуть ли не самой проблематичной темой современного религиоведения.

Важно осознать, что подрыв стратегии логоцентризма и следующая за ним безудержно пролиферирующая гиперсемиотизация — не просто блажь небольшого числа французских теоретиков. Сегодня — это контур культурной действительности, негласные правила игры, разделяемые подавляющим большинством. В рамках ситуации, когда экзегетика уступает место текстологии, происходит

десакрализация религии как феномена. Если религия всего лишь симулякр, то все ее апелляции к трансцендентному несостоятельны. Соответственно современное религиозное сознание определяется как нечто аморфное, переменчивое, подверженное манипуляциям.

Еще только предстоит осознать перспективы кардинальных изменений, которое неизбежно претерпит современное религиоведение перед лицом глобального кризиса, вовлекающего в свой эпицентр политику, экономику и культуру.

В связи с усложнением религиозного сознания, религиоведение должно включить в арсенал своих средств методы косвенного опосредованного анализа, например, через изучение взаимосвязи современных процессов в искусстве (литературе, кино и т.д.) и находящимся под их влиянием религиозным сознанием.

Отдельной продолжительной дискуссии заслуживает вопрос о формах возможного взаимодействия науки и религии в XXI веке.

Обобщая перечисленные выше параметры гуманитарного кризиса современной культуры, можно сказать, что сегодня религиозные феномены выступают в своих «превращенных формах» (К. Маркс) именно потому, что культура, в которой они занимали столь важное место, претерпевает сложные трансформации.

Дабы соответствовать уровню сложности объекта своего изучения, современному религиоведению следует учитывать необходимость принципиальной реорганизации методологической базы, которая включала бы критическую ревизию традиционной дуальной топики, введение комплексных способов аналитики, макрогерменевтику культурного контекста, пересмотр самого существа религии в изменившихся обстоятельствах новой эпохи.

Продолжая оценку роли и статуса религиоведения как самостоятельной научной отрасли дисциплины важно заметить, что именно религиоведение может стать сегодня тем спасительным мировоззренческим резервуаром, который станет основой формирования толерантности, навыков веротерпимости в мозаичной структуре современного общества. Религиоведение позволяет получить объективную, лишенную субъективности и иррациональности оценку феномена религии как важной компоненты современной духовной картины мира.

В связи с этим нам хотелось бы проанализировать результаты социологического исследования, проведенного под руководством автора статьи в рамках реализации грантового проекта «Формирование концепции веротерпимости и этнической консолидации в образовательных форматах современного Казахстана».

Респондентами нашего анкетирования стали школьники старших классов, студенты колледжей и вузов, освоивших социогуманитарный цикл дисциплин. Всего в опросе приняли участие 1200 молодых людей, из них 41,8 % обучаются на русском отделении, 58,2 % — на казахском. Исследование проведено в семи регионах Казахстана (Алматы, Нур-Султан, Караганда, Кокшетау, Костанай, Шымкент, Талдыкорган). В анкете молодым людям были предложены вопросы, ответы на которые позволили нам сформулировать выводы относительно основных мировоззренческих установок молодых людей, об их отношении к религии, к этническим различиям и т.д. Полученная таким образом картина представлений молодых людей позволяет проанализировать основные проблемные зоны современной системы образования в Казахстане.

Первый вопрос анкеты был сформулирован следующим образом — «Ваше отношение к религии». Из предложенных в анкете ответов самыми «популярными» стали следующие: «Я верующий, состою в общине и соблюдаю обычаи» — 19,8 %; «Я верующий, но в религиозной жизни не участвую» — 57,4 %. Эти данные свидетельствуют о том, что почти 80 % участников опроса считают себя верующими. Одним из факторов, способствующих такой самооценке, является, безусловно, возникшая в последнее время мода на религию, религиозную атрибутику, религиозные обряды. Особенно это становится заметным в дни религиозных праздников, когда молодые люди активно посещают храмы, осуществляют жертвоприношения и т.д. Но как только эти праздники проходят, они возвращаются к своему светскому образу жизни. Надо заметить, что у молодых людей слабо дифференцированы понятия «вера», «религиозность», «светскость» и т.д. Безусловно, религия, в ее традиционном формате, во многом есть фактор, одухотворяющий, устанавливающий универсальные аксиологические смыслы и значения. Но не может удручать тот факт, что участники опроса — это школьники и студенты светских учебных заведений. Значит, тот социогуманитарный дискурс, который предлагается в образовательных форматах современного Казахстана, не достаточен или вовсе не эффективен.

Наш известный современник Клод Леви-Стросс как-то сказал: «XXI век будет гуманитарным или его не будет вообще». XXI век не стал гуманитарным. Гуманитарные, духовные коды ушли на задворки общественной жизни и стали лишь приложением к доминирующим техногенным факторам современной цивилизации. Может быть, поэтому наши молодые люди ищут духовные символы и знаки не в классах и аудиториях, а в своих религиозных исканиях. В связи с этим очень важной, с нашей точки зрения, является корректировка наших образовательных форматов с позиции усиления социогуманитарной компоненты. Такое понимание мы находим и у наших респондентов. На вопрос: «Считаете ли Вы необходимым изучение в системе образования (школа–колледж–вуз) религиозно-духовных дисциплин?» 41,1 % респондентов ответили утвердительно. Хотя не может не беспокоить и тот факт, что 36,5 % участников опроса ответили: «Нет, это будет перегружать учебный процесс». Отсутствие интереса к этой компоненте у молодых людей во многом определяется чрезмерной рационализацией наших образовательных программ. «Навыки», «умения» стали определяющим фактором подготовки студентов всех уровней. Конечно, успешная профессиональная социализация один из важнейших ракурсов жизненной стратегии молодых людей. Но вопросы гуманитарного, духовного, если хотите, душевного свойства остаются на втором плане. И мы выпускаем в свет может быть хороших специалистов, а личностная компонента перестает быть частью нашей образовательной парадигмы.

В этом же проблемном ракурсе был задан следующий вопрос: «Можно ли сказать, что основную информацию о культуре, религии, в целом, обществе Вы узнаете из интернет-источников?». 63,5 % участников опроса ответили утвердительно. Соответственно мы приходим к неутешительному выводу о том, что система образования не является ведущим, определяющим источником формирования представлений молодых людей о мире, об обществе, религии и культуре. Звучит как приговор. Очевидно, что интернет-информация более мобильна, как правило, она преподносится в интересном, порой, одиозном формате, она доступна. Интернет лишен цензуры, нет ответственности за предоставляемую информацию, а ее скандальный ореол становится приманкой для неокрепших душ молодых людей. Этим она и привлекает молодых людей, увлеченных гаджет-культурой.

Что может противопоставить современное образование этому интернет-натиску? Во-первых, думается, надо поставить интернет на службу образованию. Педагоги, учителя должны владеть информацией, разьяснять ее, использовать в учебном процессе наряду с академическими форматами работы. Во-вторых, учебная литература, сопровождающая образовательный процесс, должна быть более креативной, интересной, лишенной претензии на истину в последней инстанции. В-третьих, преподавание социогуманитарных, культурологических, религиозно-духовных дисциплин должно осуществляться в диалоговом формате, с правом презентации собственной точки зрения. В таком случае проанализированная, осмысленная с помощью педагогов информация будет полезной и востребованной, а главное — верно откорректированной. Сегодняшняя система образования требует реформирования и в этой части. Нужны учебники нового поколения, преподаватель должен работать в режиме постоянного повышения собственной квалификации, уметь использовать самые последние программные продукты.

Ситуация с коронавирусом показала, что у нас не все благополучно в этой сфере. Особого внимания заслуживает вопрос о научно-методическом обеспечении дисциплин, так или иначе связанных с проблемным полем религии. Наметилась тревожная тенденция в учебной, научной литературе, посвященной вопросам религии, религиозно-духовного, теологии. Слишком часто наши коллеги, авторитетные ученые, используют технологию «черное-белое» в оценке тех или иных религиозных явлений, часто упрощают тематику, излагают свою научную позицию одиозно, с претензией на универсальность. Молодые люди остро чувствуют подмену понятий, претенциозность позиции и назидательный тон. В рамках проведенных фокус-групп молодые люди часто говорили, что учебники не очень интересные, а рекомендуемые книги, как правило, объемные и нудные. Конечно, идти на поводу не стоит, однако понять, какой формат больше устраивает их, что может быть более привлекательным, увлекательным, очень важно. Автор сам порой, работая над учебной литературой, ловил себя на мысли, что, в угоду академичности, классичности, забывал о главном — об адресатах, для кого пишется этот труд.

Мы уже говорили о том, что молодежь, вырабатывая свою жизненную стратегию, невольно сталкивается с проблемой самоопределения, самоидентификации. В этом поиске определяющими являются факторы этнического и религиозного самосознания. Именно поэтому в анкету был включен вопрос о том, влияет ли национальность на выбор той или иной религии. 34,4 % респондентов считают, что влияет. Это устойчивая точка зрения, согласно которой этническая принадлежность обяза-

тельным образом определяет твои религиозные предпочтения — «казах, значит, мусульманин, русский — православный, немец-католик и т.д.». Вместе с тем 36,5 % участников опроса считают, что выбор религии не зависит от этнической принадлежности.

В условиях универсализации социального бытия, глобализации, стирания культурных границ национальная идентичность не всегда требует определенного конфессионального следования. Известны многочисленные случаи прозелитизма. И в повседневности мы сталкиваемся с такими случаями. Например, в пятничный намаз можно увидеть в мечетях молодых русских парней и девушек, а в православной церкви участвуют в богослужении представители казахской диаспоры. Причин в этом явлении много, одной из них являются межнациональные браки, условия проживания (например, русская семья, волею судьбы проживающая в казахском ауле, где абсолютное большинство казахских семей и т.д.). В связи с этим можно заметить, что зависимость религиозных предпочтений от этнической принадлежности уменьшается. Как оценивать это явление в целом? Религия становится все более гибким инструментом, активно интегрирующимся в современные реалии. Идет борьба за души, за расширение своей паствы. Очевидно, что жизнеспособность любой религиозной конфессии зависит во многом от того, как многочисленны ряды ее сторонников, которые, в свою очередь, своей позицией, своим конфессиональным патриотизмом вольно или невольно рекрутируют в свои ряды все новых и новых сторонников. Поэтому для них не имеет значения национальность, главное — следование религиозному духу, вере, священному писанию и т.д. Здесь присутствует и политический вопрос. Существовая в той или иной стране, любая конфессия должна внедряться в культурную, национальную жизнь этого государства, проявляя лояльность к исповедуемым политическим, государственным, идеологическим и культурным принципам. Поэтому дело чести — привлечь на свою сторону представителей титульной нации вообще и всех остальных национальностей, в частности. Дихотомии «политика-религия», «культура-религия», «государство-религия» еще должны стать объектом глубокого научного анализа. Всем известна ситуация, когда внедренный в школу предмет «Светскость и основы религии» не стал интересным учебным дискурсом. Одна из причин отсутствия казахстанского научного бэк-граунда.

Одной из примет современной религиозной жизни стало появление множества нетрадиционных религиозных объединений, групп. Как правило, причиной появления этих религиозных объединений стали попытки нового прочтения священных писаний, текстов, библии, корана и т.д. Порой выводы, транслируемые этими объединениями, носят провокационный, иногда даже экстремистский характер. Одним из направлений этих новоявленных объединений является привлечение в свое лоно молодых людей, способных продолжить их дело. Молодежь наиболее привлекательная для них среда. Они пользуются различного рода психологическими приемами и методами, предлагают привлекательные способы самореализации, обеспечивают дружественное пространство, рисуют светлое будущее. В нашей анкете был предложен вопрос: «Сталкивались ли Вы со случаями рекрутирования (привлечения) Вас в религиозные организации и движения?». Каждый пятый участник опроса ответил на этот вопрос утвердительно. Работа наших оппонентов значительно тоньше, деликатнее, нюансированнее, она неформальна, адресна и индивидуальна. Мы же собираем огромные залы, где сидят люди разных возрастов, профессий, интересов, говорим, порой, очевидные вещи. У молодых людей очень неустойчивый взгляд на мир, они живут в режиме поиска своей жизненной стратегии, своей идентичности. И на такое возбужденное ищущее сознание как на благодатную почву ложатся милые беседы, отеческие наставления, встречи в уютных храмах, теплые чаепития и песнопения. И все наши лозунги, плакатный язык встреч теряют в таком соперничестве всю свою привлекательность и эффективность.

Одной из угроз нашего времени сегодня стал религиозный экстремизм. Это явление носит не региональный, а планетарный характер. Основная цель этого феномена — переустройство мира, отрицание возможности светского пути развития. В этих условиях очень важно понимать опасность такого явления, важно формировать духовный иммунитет у молодых людей. В социологическом исследовании мы задали нашим респондентам вопрос: «В какой мере Вас тревожит такое явление, как религиозный экстремизм?». «Вызывает некоторое беспокойство», — так ответили 33,4 % молодых людей, «Вызывает сильную тревогу» — такой ответ обозначили 38,8 % участников опроса. Очевидно, что большинство школьников и студентов понимают серьезность и опасность такого явления, как религиозный экстремизм. Вместе с тем обескураживает следующее обстоятельство — почти каждый пятый участник опроса, отвечая на это вопрос, обозначил следующий вариант — «Не беспокоит». В этом наивном простодушии кроется непонимание серьезности ситуации, наличие местечковой по-

зиции. И это тоже большая мировоззренческая проблема, решение которой зависит во многом от той образовательной среды, в которую погружен молодой человек. Необходимо формировать у молодых людей правильное понимание современной картины мира, умение критически анализировать реальность.

Следующий вопрос анкеты помог нам выяснить отношение молодых людей к возрождению религиозных традиций. 32,4 % опрошенных положительно относятся к этому явлению, 38,1 % терпимо оценивают этот процесс, а вот каждый десятый обозначил свою отрицательную позицию к возрождению религиозных традиций. Такое неприятие религиозных традиций, наверное, связано с уравниванием религиозных традиций с участившимися случаями проявления религиозного экстремизма и терроризма. Во всяком случае, хочется в это верить. Многовековая история традиционных религий продемонстрировала нам животворящую силу ее установок, устойчивость ее основных ценностей, миролюбивый, гуманный настрой. Отрицательное отношение к религиозным традициям во многом определяется фактором негативных оценок религии в средствах массовой информации, когда религия чаще всего спрягается со словами «священная война», «экстремизм» и т.д.

В целом, оценивая позиции молодых людей-участников опроса, можно сказать о том, что отношение к религии у респондентов достаточно противоречивое, лишенное обоснованности и не обеспеченное сложным образовательным дискурсом.

Заключение и выводы

Первый и главный вывод связан с оценкой роли нашей системы образования в подготовке наших учеников, студентов к жизни в обществе в сложном динамично развивающемся, трансформирующемся мире. Призванные сеять высокое, духовное, вечное, мы превращаемся в ремесленников, которые не видят ничего дальше своего предмета, дисциплины, спецкурса, выпускаем молодых людей с неструктурированным сознанием. Ведь общеизвестно, что задача образования не заключается в трансляции знания, а в формировании у молодых людей самим добывать это знание, мотивировать его к самообразованию. Молодые люди, лишенные жесткого внутреннего мировоззренческого стержня, теряются в этом мире или быстро усваивают ценности, лежащие на поверхности: деньги, карьера. Сами по себе эти ценности не несут в себе негативного значения, но лишенные мировоззренческого осмысления они становятся главным мерилем человеческой жизни. Мы должны понять, что мы готовим не специалиста, а личность, которая не просто будет работать в лаборатории, на заводе или в аудиториях, а еще жить в этом сложном мире, вступать в самые сложные и разнообразные коммуникации. А в этих взаимодействиях не достаточно будет просто знаний по специальности. Уметь разглядеть пустое и не пойти у него на поводу, умение выделить главное в шелухе повседневности, наполнить свою жизнь высоким смыслом — вот те базовые задачи, которые встают перед системой образования.

События последнего времени свидетельствуют о том, что мы и сами, порой, «спотыкаемся», попав в неожиданную ситуацию, которую подкидывает нам «жизнь». Достаточно вспомнить кордайские события. Обычный бытовой конфликт вдруг неожиданно приобрел этническую окраску. А если бы его вовремя не погасили, уверен, включились бы и религиозные, конфессиональные различия и оценки. Такие события на руку так называемым экстремистам от религии, которые спекулируют сложностями, трудностями, ошибками, надеясь, что «заблудшие и недовольные души» пришли к ним — в пространство, где все ясно, кто друзья, а кто враги. Неискушенные молодые люди часто становятся жертвами вот таких миссионеров. И в этих условиях особенно остро встает вопрос о просветительстве. Вспоминаются предостережения аль-Фараби, Абая Кунанбаева. Перефразируя известное выражение Фрэнсиса «Знание — сила», можно заметить, что незнание — еще большая страшная сила, духовная слепота — предыстория фанатизма, агрессии, экстремизма.

В связи с этим представляется важным и своевременным введение в образовательные программы новых учебных курсов (элективных и обязательных), способствующих становлению зрелой мировоззренческой позиции относительно роли и значения религии в обществе, новых и новомодных религиозных течений, движений, формированию навыков толерантности к конфессиональному и этническому разнообразию.

Если же увеличить степень нашего обобщения, то целостная, систематизированная просветительская деятельность в этом проблемном пространстве должна стать мощным дополнительным фактором к законотворческой, правоприменительной деятельности нашего государства в религиозной сфере. За-

ключая, необходимо заметить, что религиозный дискурс, глубокий, деликатный, объективный может стать одним из действенных средств в формировании целостной духовной картины мира.

Список литературы

- 1 Локк Дж. Опыт веротерпимости / Дж. Локк. Соч. [В 3 т.]. — Т.3. — М.: Мысль, 1988. — 668 с.
- 2 Кант И. Основоположения метафизики нравов / И. Кант. Собрание сочинений: [В 8 т.]. — Т.4. — М.: Чоро, 1994. — 172 с.
- 3 Милль Дж. Ст. Утилитаризм // Утилитаризм. О свободе / Дж.Ст. Милль. — СПб.: Изд. книгопродавца И.П. Первозникова, 1900. — С. 188, 189.
- 4 Кудайбердиев Шакарим. Три истины / Ш. Кудайбердиев. — Алматы: Казахстан, 1991. — 80 с.
- 5 Кунанбаев А. Слова назидания / А. Кунанбаев. Пер. с каз. С. Санбаева. — Алматы: Жалын, 1979. — 32 с.
- 6 Ролз Дж. Теория справедливости / Дж. Ролз. — Новосибирск: НГУ, 1995. — 342 с.
- 7 Муфф Ш. К агонистической модели демократии / Ш. Муфф // Логос. — 2004. — № 2 (42). — 253 с.
- 8 Жижек С. Возвышенный объект идеологии / С. Жижек. Пер. с англ. В. Сафронова. — М.: Художественный журнал, 1999. — 187 с.
- 9 Laklau E. Hegemony and Socialist Strategy. — VERSO. — 1985. — 194 p.
- 10 Маркузе Г. Критическая теория общества. Избранные труды по философии и социальной критике / Г. Маркузе. — М.: АСТ-Астрель, 2011. — 384 с.
- 11 Nicholson, Peter P. Toleration as a moral ideal // Aspects of Toleration/ ed. by J.Hordon&S.Mendus. London — New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. — 216 p.
- 12 Уолцер М. О терпимости / М. Уолцер. — М.: ДИК, 2000. — 189 с.
- 13 Дворкин Р. О правах всерьез / Р. Дворкин. — М.: РОССПЕН, 2012. — 216 с.
- 14 Сэндел. Либерализм и пределы справедливости / Сэндел, Дж. Майкл // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 1998. — 213 с.
- 15 Тейлор Ч. Пересечение целей: спор между либералами и коммунитаристами / Ч. Тейлор // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 2015. — 295 с.
- 16 Кимлика У. Либеральное равенство / У. Кимлика // Современный либерализм. Пер. с англ. Л.Б. Макеевой. — М.: ДИК; Прогресс-Традиция, 2007. — 76 с.
- 17 Грей Дж. Толерантность: постлиберальная перспектива / Дж. Грей // Поминки по просвещению: Политика и культура на закате современности / Пер. с англ. под общей ред. Г.В. Каменской. — М.: Практика, 2011. — С. 45.
- 18 Шаукенова З.К. Ценностно-смысловые и духовно-нравственные основания консолидации этнических и религиозных групп Республики Казахстан в гражданскую общность / З.К. Шаукенова, Е.Е. Бурова, А.К. Назарбетова. — Алматы: «ИП Волков Н.А.», 2015. — 266 с.
- 19 Материалы Международной научно-практической конференции «Казахстанская модель межэтнической толерантности и общественного согласия Н.А. Назарбаева: двадцать лет успеха и созидания». — Алматы: «ИП Волков Н.А.», 2016. — 305 с.
- 20 Монтер У. Ритуал, миф и магия в Европе раннего Нового времени / У. Монтер. — М.: Искусство, 2003.
- 21 Фуко М. Слова и вещи / М. Фуко. — М., 2003. — С. 45.
- 22 Митрохин Л.Н. Религия / Л.Н. Митрохин // Новая философская энциклопедия. — М., 2001. — Т.3. — 442 с.
- 23 Неретина С.С. Современность — это гностицизм? / С.С. Неретина // Философский факультет. Ежегодник. — 2001. — № 2. — 368 с.
- 24 Поппер К. Открытое общество и его враги / К. Поппер. — Т.1. — М., 1992. — 248 с.
- 25 Крымский С.Б. Метаисторические ракурсы философии истории / С.Б. Крымский // Вопросы философии. — 2001. — № 6. — С. 39.
- 26 Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть / Ж. Бодрийяр. — М., 2000. — 224 с.

Б.И. Карипбаев

Қазақстандық жастардың дүниетанымдық мәдениетін қалыптастыру контексіндегі дінтанудың философиялық-әдіснамалық аспектісі

Мақалада автор жастардың күрделі конфессияаралық және этникааралық коммуникация әлеміне өтуі контексінде жастардың құндылық бағыттарының табиғатын зерттеуге ұмтылыс жасады. Динамизм, өзгерістердің жоғары деңгейімен сипатталатын қазіргі өмір өмірлік стратегиялардың көптеген нұсқаларын қамтиды. Осындай жағдайларда, жас адам өзіне жақын өмірлік жолды таңдайды. Осындай таңдауларды жасауға, оны позитивті дүниетанымдық көзқарасқа бағыттауға, рухани көрсеткіштерді ескере отырып, өмірдің бай бейнесін көрсету — білім жүйесінің негізгі міндеттерінің бірі болып саналады. Дәл осы білім жүйесі және оның кезеңдері институт ретінде жас

казакстандықтардың санасында негізгі жауапкершілік рөл атқарады. Толеранттылықтың шеберлігін тәрбиелеу жүйесінде дінтану курсы маңызды болып саналады. Мақалада дінтануды өзіндік бір дербес ғылым ретінде және болашағы бар зерттеу стратегиясы ретінде бағалауға мүмкіндік беретін негізгі концепттерге талдау жасалды. Автор дінтануға деген концептуалдық көзқарасты жаңарту керектігін ұсынған. Осы тұрғыдан алғанда, дінтану білім курсының және ағарту ісінің қуатты факторы бола алады.

Кілт сөздер: дінтану, сенім, дүниетаным, мәдениет, білім, құндылық бағыттар.

B. Karipbayev

Philosophical and methodological aspects of religious studies in the context of the formation of the ideological culture of Kazakhstan youth

In this article, the author has tried to investigate the nature of the value orientations of young people in the context of their inclusion in the complex world of interfaith and interethnic communications. The author's interest is predetermined by the relevance of this problem space. The modern world, characterized by dynamism, a high degree of variability, offers many options for life strategies. In the coordinates of such a choice, a young man tries to appropriate options for life self-determination that are close to him in spirit, in interest. Helping him in this choice, directing him into positive worldview searches, presenting a rich picture of the world in its spiritual manifestations is one of the main tasks of the education system. It is the education system at all its stages, as an institution that allows one to navigate correctly in the world of spiritual truths and temptations, that bears the main responsibility for the consciousness of young Kazakhstan citizens. In the system of upbringing the skills of tolerance to the diversity of the world, a special place belongs to religious discourse. The article analyzes the main concepts that assess religious studies as an independent scientific direction and a promising research strategy. The author proposes to update the conceptual approach to religious studies as a recently updated system of scientific knowledge about religion, religious tolerance, and tolerance. In this sense, religious studies can become a powerful factor in educational discourse and enlightenment work.

Keywords: Religious studies, tolerance, worldview, culture, education, value orientations.

References

- 1 Lокк, Дж. (1988). Опыт веротерпимости [Experience of religious tolerance]. Sochineniia (Vols. 1-3; Vol. 3). Moscow: Mysl [in Russian].
- 2 Кант, И. (1994). Основположения метафизики нравов [Fundamentals of metaphysics of morals]. Sobranie sochinenii (Vols. 1-8; Vol. 4). Moscow: Choro [in Russian].
- 3 Милль, Дж. Ст. (1900). Утилитаризм // Утилитаризм. О свободе [Utilitarianism // Utilitarianism. About freedom]. — Saint Petersburg: Izdanie knihoprodavtsa I.P. Perevoznikova [in Russian].
- 4 Кудайбердиев, Шакарим. (1991). Три истины [Three Truths]. Almaty: Kazakhstan [in Russian].
- 5 Кунанбаев, А. (1979). Слова назидания [The theory of justice]. Perevod s kazakhskoho S. Sanbaeva. Almaty: Zhalyin [in Russian].
- 6 Ролз, Дж. (1995). Теория справедливости [The theory of justice]. Novosibirsk: NGU [in Russian].
- 7 Мэфф, Ш. (2004). К агонистической модели демократии [Towards the agonistic model of democracy]. Logos, 2 (42) [in Russian].
- 8 Жижек, С. (1999). Возвышенный объект идеологии [The sublime object of ideology]. Moscow: Hudozhestvennyi zhurnal [in Russian].
- 9 Laclau, E. (1985). Hegemony and Socialist Strategy. VERSO. — 194 p.
- 10 Маркузе, Г. (2011). Критическая теория общества. Избранные труды по философии и социальной критике [Critical theory of society. Selected works on philosophy and social criticism]. Moscow: AST-Astrel [in Russian].
- 11 Nicholson, Peter P. (1985). Toleration as a moral ideal // Aspects of Toleration/ ed. by J.Hordon&S.Mendus. London — New York: Methuen & Co. Ltd, 1985. 216 p.
- 12 Уолцер, М. (2000). О терпимости [On Tolerance]. Moscow: DIK [in Russian].
- 13 Дворкин, Р. (2012). О правах всерьез [About Rights seriously]. Moscow: ROSSPEN [in Russian].
- 14 Сендел, Майкл Дж. (1998). Либерализм и пределы справедливости [Liberalism and limits of justice]. Moscow: DIK; Progress-Traditsiia [in Russian].
- 15 Тејлор, Ч. (2015). Пересечение тсеlei: спор между либералами и коммунитаристами [Intersection of goals: a dispute between liberals and communitarists]. Moscow: DIK; Progress-Traditsiia [in Russian].
- 16 Кимлика, У. (2007). Либеральное равенство [Liberal equality]. Moscow: DIK; Prohress-Traditsiia [in Russian].

17 Grej, Dzh. (2011). Tolerantnost: postliberalnaia perspektiva // Pominki po prosveshcheniiu: Politika i kultura na zakate sovremennosti [Tolerance: a post-liberal perspective // Memorials on enlightenment: Politics and culture at the decline of modernity]. Moscow: Praksis [in Russian].

18 Shaukenova, Z.K., Burova, E.E., & Nazarbetova A.K. (2015). Tsennostno-smyslovye i dukhovno-nravstvennye osnovaniia konsolidatsii etnicheskikh i relihoznykh hrupp Respubliki Kazakhstan v hrazhdanskuiu obshchnost [Value-semantic and spiritual and moral grounds for consolidation of ethnic and religious groups of the Republic of Kazakhstan into a civil community]. Almaty: «IP Volkov N.A.» [in Russian].

19 Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Kazakhstanskaia model mezhetnicheskoi tolerantnosti i obshchestvennogo sohlasiiia N.A. Nazarbaeva: dvadtsat let uspekha i sozidaniia» (2016). [Proceedings of the International Scientific and Practical Conference «Kazakhstan Model of Interethnic Tolerance and Public Consent of N.A. Nazarbayev: Twenty Years of Success and Creation». Almaty: «IP Volkov N.A.» [in Russian].

20 Monter, U. (2006). Ritual, mif i mahiia v Evrope ranneho Novoho vremeni [Ritual, myth and magic in Europe of the early modern era]. Moscow: Iskusstvo [in Russian].

21 Fuko, M. (2003). Slova i veshchi [Words and things]. Moscow [in Russian].

22 Mitrohin, L.N. (2001). Relihiia [Religion]. Novaia filosofskaia entsiklopediia. Moscow [in Russian].

23 Neretina, S.S. (2001). Sovremennost — eto hnostitsizm? [Is modernity Gnosticism?]. *Filosofskij faku'tet. Ezhehodnik — Faculty of Philosophy. Yearbook*, 2, 368 [in Russian].

24 Popper, K. (1992). Otkrytoe obshchestvo i eho vrachi [Open Society and Its Enemies]. Moscow.

25 Krymskij, S.B. (2001). Metaistoricheskie rakursy filosofii istorii [Meta-historical perspectives of the philosophy of history]. *Voprosy filosofii — Questions of philosophy*, 6, 39 [in Russian].

26 Bodriijar, Zh. (2000). Simvolicheskii obmen i smert [Symbolic exchange and death]. Moscow [in Russian].